

Рыжая Ведьма

Пальмовый лист

<https://litres.ru/74254762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эвелин живёт в старой студии в Майами и терпеть не может соседа сверху. Этот высокомерный тип вечно включает громкую музыку, курит в открытое окно и смотрит на неё свысока.

Итан переехал два года назад и сразу понял: рыжая соседка снизу - его личный кошмар. Она орёт, жалуется, а от её балкона вечно тянет сигаретным дымом.

Их война длится ровно до того момента, пока в стакан с чаем Эвелин не падает обрубок пальмового листа. Случайно. Или нет. С этого вечера их ненависть начинает трещать по швам.

Они встречаются в супермаркете. Пьют чай на балконе. Спорят о чертежах и шрифтах. И постепенно понимают: за два года они так и не узнали друг друга - зато успели возненавидеть всё, чего на самом деле не существует.

Романтическая комедия о том, как война превращается в перемирие, перемирие - в дружбу, а дружба - в нечто большее. С юмором, солнцем, закатами над океаном и одним очень важным пальмовым листом.

Содержание

Глава	4
Пролог. Два года назад	23
Глава 1. Придурок	31
Глава 2. Пятно	37
Глава 3. Чеддер, который всё изменил	39
Глава 4. Бесишь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рыжая Ведьма

Пальмовый лист

Глава

Пальмовый лист

Краткое содержание:

Эвелин – диджитал-дизайнер, которая работает удаленно из маленькой студии в старом районе Майами. Итан – архитектор, снимающий квартиру в высотке напротив.

Их балконы разделяет лишь узкий проход между двумя старыми домами, но этого достаточно, чтобы два года вести войну: он включает громкую музыку, она оставляет мусор у двери, он думает, что она курит, она думает, что он высокомерный придурок.

Все меняется, когда с его балкона в ее стакан с чаем падает обрубок пальмового листа.

Жанр: Романтическая комедия

Локация: Майами, Флорида,

Персонажи:

Марк

Эвелин

Оливия

Итан

Кэсси

Кубинец

Консьерж

Олсен

Гарсия

Пролог.

Глава 1. Придурок

Глава 2. Пятно

Глава 3. Чеддер, который всё изменил

Глава 4. Бесишь

Глава 5. Белый шарик

Глава 6. Классика

Глава 7. Кофе

Глава 8. В гостях у врага

Глава 9. Эвелин

Глава 10. Жду на балконе

Глава 11. Рыжий диагноз

Глава 12. Памятник из моцареллы

Глава 13. Фонарик

Глава 14. Никаких расплат

Глава 15. Сандал и лаванда

Глава 16. Теперь тишина

Глава 17. Экскурсия для двоих

Глава 18. Бэтмен на полставки

Глава 19. Самый красивый закат

Эпилог.

Пролог. Два года назад

Сентябрь в Майами – месяц, когда лето отказывается уступать. Воздух стоит плотный и влажный, а солнце палит так, что даже пальмы у дороги кажутся обессиленными. Итан стоял посреди коробок в новой квартире и чувствовал странное, давно забытое спокойствие.

Он переехал в Майами по работе. Архитектурное бюро открывало филиал в Корал-Гейблс, и Итану предложили возглавить направление по жилым комплексам. Перспектива была заманчивой: больше объектов, больше свободы в проектах. Он согласился, не раздумывая. Квартиру нашел быстро – тихий район, удобный выезд к объектам, рядом океан. Идеально для человека, который планирует проводить на стройках больше времени, чем дома.

Он вышел на балкон с чашкой кофе в тот первый вечер. Майами раскинулся перед ним в огнях заката: высотки, пальмы, далекий океан. Итан вдохнул влажный соленый воздух и почувствовал, как плечи расслабились. Завтра – первый день на новом месте. А сейчас – тишина. Только ветер и крики чаек.

А потом увидел её.

Эвелин стояла внизу, на своем балконе этажом ниже, и танцевала. Рыжие волосы развевались на ветру, девушка раз-

вешивала бельё и двигалась в такт музыке, которую слышала через наушники. Эвелин кружилась, пританцовывала, и бельё в её руках хлопало на ветру, как флаги.

Итан замер с чашкой у губ. Кофе остывал, но он не замечал. Он смотрел на неё, на то, как солнечный луч пробивается сквозь её волосы, превращая их в живой огонь. На то, как она запрокидывает голову и смеётся чему-то, что слышит в наушниках. На то, как она подхватывает упавшую прищепку и ловко закрепляет простыню обратно.

Эвелин наконец подняла голову.

Их взгляды встретились. Её глаза были голубыми и такими яркими, что даже с расстояния было видно. Девушка нахмурилась, сняла один наушник и крикнул:

– Что пялишься?

Голос звенел от возмущения, но в нём было и что-то ещё – любопытство, смешанное с вызовом. Эвелин упёрла руку в бок, и Итан вдруг понял, что не знает, что ответить. Он открыл рот, но слова застряли в горле.

В этот момент порыв ветра сорвал с его балкона пустую картонную коробку из-под пиццы. Она взлетела, крутанулась и шлёпнулась прямо на её только что выстиранную белую простыню. Грязное пятно расплылось по идеально чистому полотну.

– Ты издеваешься?! – заорала Эвелин, хватая простыню за край. – Это была моя любимая!

– Это ветер! – крикнул он, перегибаясь через перила. – Я

не специально!

Эвелин посмотрела на коробку, потом на Итана, потом на развод. В её глазах вспыхнула такая чистая ярость, что он на мгновение даже испугался.

– Ты! – девушка ткнула пальцем вверх. – Ты сделал это специально! Я видела, как ты стоял и пялился!

– Я не пялился! Я просто смотрел!

– Это одно и то же! – Эвелин сжала простыню в кулак. – Ты новенький, да? Из этих, из стеклянных высоток? Подумал, что можно пялиться на соседей и кидаться в них мусором?

– Это была коробка из-под пиццы!

– Жирная коробка из-под пиццы! – девушка развернула простыню. – Ты видишь это? Ты загубил мою вещь!

Итан почувствовал, как его собственное раздражение закипает. Весь день был напряжённым: переезд, распаковка, куча бумаг. Он хотел просто выпить кофе и успокоиться. А вместо этого какая-то рыжая соседка обвиняет его в том, что он якобы специально испортил её бельё.

– Это была случайность! – рявкнул он. – Если бы я хотел тебя достать, я бы нашёл способ получше!

– Ага! – Эвелин сложила простыню и швырнула её на перила. – Прямо как сейчас!

– Это ты начала кричать!

– Я кричу, потому что ты испортил мою вещь!

Они стояли так целую минуту. Два человека, разделённые

тремя этажами разницы и узким проходом между домами, который в этом старом районе Майами был не шире вытянутой руки, и орали так, будто решали судьбу мира.

– Знаешь что, – сказала Эвелин вдруг, и её голос стал ледяным. – Я запомнила тебя, новенький. Ты будешь самым худшим соседом в моей жизни.

– Я даже не твой сосед, – огрызнулся он.

– Ты живёшь надо мной! Это хуже!

Девушка зашвырнула коробку обратно с такой силой, что она перелетела через перила и приземлилась прямо у его ног.

– Придурок! – крикнула она напоследок и скрылась в студии, захлопнув балконную дверь.

Итан постоял ещё пару секунд, глядя на захлопнувшуюся дверь. Кофе остыл окончательно. Ветер шевелил края грязной коробки у его ног.

«Придурок», – повторил он про себя и вдруг усмехнулся. Это слово, сказанное с такой искренней злостью, почему-то зацепило его. В Орландо никто не называл его так. Там он был уважаемый профессионал. А здесь какая-то девушка с веснушками и рыжими волосами назвала его придурком с первого взгляда. И это было... освежающе.

Он поднял коробку, отнёс в мусорное ведро и вернулся в квартиру. Всё было как он хотел: чисто, функционально, безопасно. Но в голове всё ещё звучал её крик.

«Может, здесь будет интереснее, чем я думал», – сказал он себе, заваривая новую чашку кофе.

Через неделю Итан снова увидел Эвелин на балконе. Девушка развешивала бельё, в этот раз без наушников, без танцев, но с каменным лицом. Когда она подняла голову, то закатила глаза и отвернулась. Итан сделал глоток кофе и ничего не сказал.

Через месяц он заметил, что из её балкона поднимается лёгкий дымок. Сначала он подумал, что это готовка, но дым тянулся ровно, без запаха гари, и поднимался вверх, к его балкону. Итан поморщился – он ненавидел сигаретный запах. Его отец курил, когда он был ребёнком, и Итан до сих пор не мог выносить этот запах, въедающийся в одежду и волосы.

Он перегнулся через перила и крикнул вниз:

– Эй! Ты что, куришь там? Это что, разрешено? Ты вообще видишь, что дым идёт ко мне?

Эвелин подняла голову. В руке у неё действительно была тонкая палочка, из которой вился лёгкий ароматный дымок. Но вместо того, чтобы ответить или извиниться, девушка медленно, с ледяным спокойствием, выпустила струйку дыма в его сторону, не отрывая от него взгляда.

А потом подняла свободную руку и показала ему средний палец. Не торопясь. Не зло. Скорее с чувством выполненного долга.

Итан открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но Эвелин уже отвернулась и скрылась в студии, оставив его стоять с открытым ртом и чувством, что он только что проиграл раунд, да-

же не поняв правил игры.

Девушка не знала, что он ненавидит сигаретный дым. Он не знал, что она жжёт благовония – сандал и лаванду – чтобы проветрить голову после работы. Они просто продолжили войну, в которой у каждого были свои правила и свои обиды. Но с этого дня их противостояние стало личным. Эвелин – рыжая бестия с балкона этажом ниже. Итан – занудный тип из стеклянной высотки, который лезет не в своё дело.

Они не разговаривали после этого несколько недель. Только короткие взгляды, полные взаимного презрения. Только хлопки балконных дверей и громкая музыка, которая звучала всё чаще.

Но иногда, по ночам, Итан ловил себя на мысли, что снова видит её лицо – не злое, не холодное, а то, каким оно было в первый день. Когда Эвелин танцевала в наушниках и улыбалась. Ему хотелось, чтобы она снова так улыбнулась. Хотя бы раз.

Через полгода Итан поставил музыку громче обычного. Сосед Маркус за стеной заглушал его треки, и он решил, что если уж не может победить шум, то хотя бы присоединится. Эвелин высунулась на балкон и заорала: «Выключи это!» Он сделал вид, что не слышит.

Через год они перестали замечать друг друга. Жили в параллельных вселенных, пересекаясь только в моменты раздражения. Итан привык к её присутствию – оно стало таким же постоянным, как шум океана за окном. Он не замечал,

как часто его взгляд скользит вниз, проверяя, там ли она. Как он ловит себя на мысли, что в выходные, когда её балкон пуст, в квартире становится как-то пусто.

А потом случился тот вечер.

Итан стоял на балконе с садовыми ножницами, обрезая разросшееся пальмовое деревце. Завтра на объект приедет заказчик, и он хотел закончить чертежи до ночи, но проклятая пальма всё время цеплялась за его локоть, когда он работал. Он злился на неё так же, как злился на весь мир последние два года – глухо, привычно, почти механически. Обрезал ветку за веткой, не думая о том, куда они упадут.

Он собирался выбросить очередной лист просто так, но потом увидел Эвелин. Девушка сидела внизу с неизменным стаканом чая, скрестив ноги, и смотрела в телефон. Её лицо было сосредоточенным, почти злым – так она выглядела всегда, когда работала над правками. Итан смотрел на неё сверху и вдруг подумал: «Она даже не знает, что я существую».

Это было не так, но Итан решил, что это правда. Он хотел, чтобы Эвелин заметила его. Чтобы снова посмотрела теми же яркими глазами. Даже если это был взгляд ненависти. Всё лучше, чем ледяное равнодушие.

Он ослабил хватку на ножницах. Лист дрогнул, качнулся и выскользнул. Ветер подхватил его, закружил и понёс вниз.

Итан смотрел, как он падает. Как медленно приближается к ней. Как шлёпается в стакан чая, поднимая фонтан янтарных брызг. И как Эвелин поднимает голову.

Он стоял и смотрел, чувствуя, как внутри разливается странное, почти забытое чувство. Её глаза – те самые голубые глаза – смотрели на него с яростью, которая показалась ему почти красивой. И он понял, что всё это время ждал именно этого момента.

Глава 1. Придурок

Вечернее солнце Майами плавилось в окнах, окрашивая стекла в апельсиновый. Эвелин сидела, поджав под себя одну ногу, на продавленном пластиковом стуле. Холодный чай в запотевшем стакане уже едва спасал от духоты – кондиционер в студии сдох еще в обед, оставив после себя лишь вялое гудение вентилятора.

Сквозь шум трафика и стрекот цикад с восьмого этажа пробивались басы. Тяжелые, ритмичные, они вибрировали в перилах балкона, отдаваясь где-то в зубах. Девушка была уверена, что это он. Кто же ещё станет включать эту дурацкую электронику в субботу вечером, если не высокомерный тип сверху?

Эвелин закатила глаза. Сделав глоток, девушка уткнулась в телефон, пролистывая ленту. Тишина, нарушаемая только этим гребаным ритмом, внезапно прервалась резким хрустом зелени прямо над головой. Сочный треск, мгновенный, словно ножницы перекусили кость.

Что-то большое, тяжелое и волокнистое шлепнулось прямо в стакан. Чай выплеснулся Эвелин на голые колени и растекался по пластиковому столу. В янтарной жидкости сиротливо плавал здоровенный, с две ладони, обрубок пальмового листа.

Девушка медленно подняла голову. Итан стоял там, на своем балконе, в простой белой футболке, и смотрел вниз. В одной руке парень держал грязные садовые ножницы, в другой – прикуренную сигарету. На его лице не дрогнул ни один мускул, только в глазах, кажется, мелькнула тень ленивого, сытого удовлетворения. Он даже не пытался сделать вид, что это случайность. Просто стоял и смотрел на последствия, словно на занимательный перформанс. Его балкон выдавался вперед, почти нависая над её лоджией, и расстояние между ними было смехотворно малым – старый район Майами строили без зазора для приватности.

С ее ресниц упала капля сладкого чая.

– Ты, сука, издеваешься? – ее голос, обычно тихий, сейчас разрезал гул улицы, как бритва.

Эвелин резко поднялась, стул с грохотом отъехал назад. Стакан полетел на пол, окончательно разбившись и смешав осколки с растерзанной зеленью.

Мужчина наверху не спеша, демонстративно, стряхнул пепел вниз. Белые хлопья закружились в потоке теплого воздуха, медленно оседая на перила ее балкона. Он слегка склонил голову набок, разглядывая ее реакцию. В тишине, которая вдруг наступила, даже музыка, казалось, стала тише.

– И тебе добрый вечер, – произнес он без тени улыбки. Его голос, с ленивой хрипотцой, долетел до нее, приправленный запахом табака и вечернего бриза с океана.

Девушка стояла, вцепившись побелевшими пальцами в

горячие перила, чувствуя, как липкий чай неприятно стягивает кожу на ногах. В висках стучало. Его спокойное «И тебе добрый вечер» прозвучало как пощечина. Эвелин шумно выдохнула, заправив выбившуюся из небрежного пучка рыжую прядь за ухо.

– Серьезно? – ее голос звенел от плохо скрываемой ярости. Девушка выразительно перевела взгляд с мокрых осколков стекла на массивную фигуру наверху, застывшую в проеме балкона. – Тебя вообще ничего не смущает? Ты только что сбросил на меня свой ботанический мусор.

Эвелин сдула с кончика носа прилипшую пылинку пепла и скрестила руки на груди. Кондиционер в ее квартире за спиной издал предсмертный хрип и окончательно затих, оставив их один на один в наполненном стрекотом цикад и гулом машин вечере. Он по-прежнему не двигался, только стряхнул очередную порцию пепла, наблюдая за ней сверху вниз сквозь темные стекла своих очков. Жара, злость и его полное безразличие к происходящему заставляли ее кожу зудеть.

Эвелин не стала дожидаться ответа. Слова застряли в горле, и единственное, что вырвалось наружу сквозь стиснутые зубы, пока девушка рывком разворачивалась, было брошенное в душный воздух:

– Придурок.

Хлопок балконной двери вышел громче, чем Эвелин рассчитывала. Стекло жалобно задребезжало в старой деревян-

ной раме. Оказавшись внутри, в полумраке пропитанной запахом пыли и разогретого пластика студии, девушка на секунду прикрыла глаза, прислонившись спиной к горячей стене. Липкая влага на ногах уже начинала подсыхать, оставляя ощущение грязной пленки. Сердце колотилось где-то в горле, пульсируя обидой вперемешку со злостью.

Сквозь тонкие стены все еще пробивались басы с его этажа. Глухие, монотонные. Эвелин не знала, что на самом деле это играет не у него, а у его соседа. Она просто слышала звук снизу и автоматически приписывала его главному врагу. Девушка резко стянула резинку с волос, позволяя рыжим прядям рассыпаться по взмокшим плечам. Осколки стакана и обломанный лист остались лежать на балконе, как декорация к очередному акту их затянувшейся войны.

На улице темнело. Где-то вдалеке, разрезая вечерний гул трафика, завывала сирена скорой помощи, а с балкона напротив, с восьмого этажа, ей вслед не донеслось ни звука. Только музыка продолжала играть, теперь чуть тише.

Итан проводил её взглядом. Хлопок двери, дрогнувшее стекло, мелькнувшая в полумраке комнаты копна рыжих волос – и тишина. Только её «придуток» ещё висело в воздухе, медленно растворяясь в вечерней духоте.

Он не целился. Ну, почти. Просто когда Эвелин сидела там внизу, с этим своим вечно недовольным лицом и стаканом чая, делая вид, что его музыка – главная трагедия этого грёбаного района, – лист сам выскользнул из лезвий. Итан

видел, как он планирует. Как ветер подхватывает его и несёт прямо в стакан. Или он чуть ослабил хватку. Разница невелика.

– Чёрт, – пробормотал он, когда дверь захлопнулась. – За чем я это сделал?

Итан затушил сигарету о перила и бросил окурок в жестянку, приспособленную под пепельницу. Ножницы с глухим стуком легли на подоконник. Долбанный пальмовый лист, который он подрезал уже битый час, всё ещё торчал в стороне, цепляясь сухими волокнами за решётку балкона.

Собственный трек он и так почти не слышал за гулом из квартиры его соседа, но, чёрт возьми, если Эвелин думает, что это он, – пусть хоть так знает, что ему не всё равно.

Итан потянулся к телефону и сбавил громкость на пару делений. Не потому что она попросила, просто надоело. Сосед за стеной снова врубил какой-то клубный трэш, и колонка вибрировала ровно в изголовье его кровати. Итан постукивал кулаком в стену – раз, другой. Бесполезно.

В гостиной на столе его ждали развернутые чертежи. Свет от лампы падал на кальку жёлтым пятном, высвечивая пометки красным карандашом. Завтра с утра надо ехать на объект в Корал-Гейблс, а проект фасада ещё не согласован. Он сел, машинально потирая шрам на левом предплечье – старая привычка, всплывающая в моменты раздражения.

Перед глазами всё ещё стояла Эвелин: мокрая, взъерошенная, с чаем на коленях и яростью в голубых глазах. И

это её «придурок», брошенное с такой искренней злостью, почему-то задело больше, чем хотелось бы признавать.

Итан закрыл глаза и на секунду позволил себе вспомнить тот день два года назад. Как Эвелин танцевала в наушниках. Как он испортил ей бельё. И как девушка назвала его придурком тогда – в первый раз. Он усмехнулся, качая головой. Война. Два года войны. И ни одного дня, когда он не думал о ней.

Глава 2. Пятно

Утро следующего дня встретило его безжалостным солнцем и духотой, от которой не спасал даже кондиционер. Итан вылез из постели в шесть, натянул старую футболку и вышел на балкон с чашкой черного кофе.

Внизу было тихо. Её балкон пустовал – только перевернутый стул и темное пятно от вчерашнего чая на бетонном полу. Осколки стакана Эвелин, видимо, убрала, а вот обрубок пальмового листа так и валялся в углу, забытый или демонстративно брошенный. Итан задержал на нём взгляд, сделал глоток – кофе обжег язык.

Через час он уже сидел в своём 4Runner, пробираясь сквозь утренние пробки в сторону Корал-Гейблс. Кондиционер в машине работал с трудом, в салоне пахло нагретым пластиком и старыми чертежами. На пассажирском сиденье валялись рулоны кальки, каска и забытая кем-то из рабочих пачка сигарет.

Объект встретил его привычным шумом: визг пилы, гул генератора, перекрикивания рабочих на испанском. Итан надел каску, прошел через стройку к прорабу – пожилому кубинцу с вечной сигарой в зубах, и следующие три часа ушли на споры о несущей балке, которая никак не хотела вставать по проекту. Он измерял, пересчитывал, чертил прямо

на пыльной фанере. Жара стояла такая, что футболка прилипла к спине уже к десяти утра.

Когда он вернулся к машине, на телефоне висело непрочитанное сообщение от сестры: «Буду в эти выходные. Надеюсь, у тебя есть еда. И пиво». Он фыркнул и бросил телефон на сиденье. Кэсси являлась раз в две недели, заполняя его квартиру хаосом из косметики, грязной посуды и громких разговоров по видеосвязи с подругами. Он ворчал, но не отказывал. В конце концов, кому ещё ей докучать, если не старшему брату.

Обратная дорога пролежала через их район. Солнце уже перевалило за полдень, заливая улицу белым, почти слепящим светом. Итан притормозил у супермаркета на углу – в холодильнике сиротливо лежала банка остывшего кофе и полпачки бекона. Он заглушил двигатель, взял с пассажирского сиденья потрёпанную корзину для продуктов и толкнул стеклянную дверь, на секунду зажмурившись от удара кондиционированного холода.

Глава 3. Чеддер, который всё изменил

Эвелин проснулась ближе к десяти, с головной болью и липким ощущением вчерашней злости, так и не остывшей за ночь. Кондиционер по-прежнему не работал, и студия напоминала духовку.

Первым делом девушка вышла на балкон. Осколки стакана поблескивали в утреннем свете, обрубок пальмового листа съезжился и потемнел. Эвелин собрала всё в мусорный пакет, стараясь не смотреть вверх – хотя спиной чувствовала пустоту его балкона. Тишина. Ни музыки, ни шагов.

Душ привел девушку в чувство. Холодная вода смыла остатки сна, но не раздражение. Стоя перед зеркалом, Эвелин скрутила влажные волосы в небрежный пучок, закрепила карандашом – резинка куда-то запропастилась. Веснушки на переносице проступили ярче после вчерашнего солнца. Девушка провела пальцем по тату за ухом – привычный жест, почти ритуал перед началом дня.

Работа не ждала. Клиент из Сан-Франциско прислал правки к макету, и Эвелин на три часа залипла в ноутбук, забыв про завтрак. Девушка перебирала шрифты, двигала блоки по сантиметру, смотрела на композицию и чувствовала, что её

собственный профессиональный глаз говорит ей то же самое, что мог бы сказать любой другой дизайнер: «Слишком тесно. Отступы убивают воздух». Только к полудню желудок напомнил о себе глухим урчанием. В холодильнике сиротливо лежали два яйца, половинка авокадо и банка чая – та самая, из которой Эвелин вчера наливала.

– Отлично, – саркастично пробормотала девушка, захлопывая дверцу.

Пришлось выбираться в магазин. Эвелин натянула свободное льняное платье, сунула ноги в сандалии и, прихватив потрепанный холщовый шопер, вышла на улицу. Жара ударила в лицо, даже пальмы вдоль тротуара стояли поникшие, словно им тоже надоело это бесконечное лето.

До супермаркета было минут десять пешком. Девушка шла шурясь от солнца и прокручивала в голове вчерашнюю сцену. «Придурок». Надо было сказать что-то поумнее. Или промолчать. Или запустить в него тем же стаканом. Впрочем, с её везением, Эвелин бы промахнулась.

Автоматические двери супермаркета разъехались с тихим шипением, обдав девушку благословенным холодом. Эвелин достала корзину и направилась к рядам с овощами, рассеянно перебирая в голове список покупок: яйца, хлеб, авокадо, шоколад, чтобы заесть стресс. Девушка свернула в проход с молочкой, уткнувшись взглядом в витрину с йогуртами, и едва не врезалась тележкой в кого-то высокого, стоявшего у полки с сырами.

– Простите, – бросила Эвелин машинально, поднимая взгляд.

И осеклась.

У полки с сырами стоял Итан. Та же белая футболка, те же темные очки, сдвинутые сейчас на макушку. В одной руке – корзина с одиноким кофе и бутылкой молока, в другой – пачка чеддера, которую он лениво вертел, видимо, читая состав. Без каски, без чертежей, без восьми этажей между ними – просто высокий, широкоплечий мужик в супермаркете, застигнутый врасплох выбором сыра.

Он заметил Эвелин. Рука с чеддером замерла. В карих глазах мелькнуло узнавание, потом – тень чего-то похожего на неловкость. Но лишь на секунду. Почти сразу его лицо приняло привычное выражение ленивого равнодушия, с которым он вчера стряхивал пепел на ее перила.

Между ними застыл холодный воздух супермаркета, наполненный гудением холодильников и далеким писком кассы. Эвелин сжала ручку корзины так, что побелели костяшки.

Глава 4. Бесишь

– Ты издеваешься, – выдохнула девушка, но на этот раз без крика. Устало. Скорее утверждение, чем вопрос.

Итан медленно опустил чеддер в свою корзину. Взгляд скользнул по её платью, по пучку, заколотому карандашом, по веснушкам на плечах. Что-то дрогнуло в его лице, то ли усмешка, то ли раздражение.

– Это мой район, – сказал он ровно. – Я здесь живу. Не только же мне с балкона в тебя листьями кидаться.

Эвелин склонила голову набок, всем весом опершись на ручку тележки. Карандаш в пучке угрожающе качнулся.

– Ты этот район купил или являешься мэром? – её голос звучал ровно, почти лениво, но в голубых глазах плясали чертята. – Очевидно, что нет. Поэтому не носи чепухи.

Итан шагнул ближе, и в его взгляде промелькнуло что-то непривычное – не вызов, не насмешка, а что-то вроде усталой решимости.

– И ещё кое-что, – сказал он, и голос его стал серьёзнее. – Насчёт музыки. Которая играет по вечерам.

Девушка замерла. Рука, уже потянувшаяся к полке с моцареллой, остановилась на полпути.

– Это не я. Это сосед за стенкой. Он включает этот дурацкий клубный трек почти каждый вечер. Я тоже от него стра-

даю.

Эвелин медленно опустила руку и посмотрела на него с прищуром. В её взгляде мелькнуло удивление, смешанное с недоверием.

– Ты хочешь сказать, что два года я орала на тебя из-за музыки, которая играла не у тебя?

– Я не говорил тебе, – он пожал плечами, и в этом жесте сквозила неловкая, почти мальчишеская искренность. – Думал, если ты злишься на меня, это лучше, чем если бы ты злилась на кого-то, кто даже не знает о твоём существовании. По крайней мере, я знал, что ты меня замечаешь.

Девушка открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Гнев, kloкочущий внутри, на секунду замер, уступая место чему-то другому.

– Ты идиот, – сказала Эвелин наконец, и в голосе её не было прежней злости. Только усталое, почти обречённое признание.

– Знаю, – он не стал спорить.

Девушка выдержала паузу, глядя на него. Потом, не дав ему вставить ни слова, демонстративно потянулась мимо него к полке, взяла первую попавшуюся упаковку моцареллы и бросила в свою корзину. Движение вышло плавным, почти грациозным.

– Сыр я выбрала, – сказала Эвелин, и в голосе её проскользнула тень усмешки. – Можешь продолжать пялиться на чеддер. Или на меня. Мне без разницы.

Девушка выпрямилась, поправила шопер на плече и, обойдя его вместе с тележкой, для этого пришлось почти прижаться к стеллажу с йогуртами, направилась дальше по проходу. Затылком Эвелин чувствовала его взгляд, тяжёлый и неподвижный, и не могла отказать себе в маленьком, почти детском удовольствии от того, что последнее слово осталось за ней.

Каблуков на её сандалиях не было, но уходила она всё равно с таким стуком, с каким только позволял кафельный пол супермаркета.

На полпути к выходу Эвелин вдруг остановилась. Развернулась и посмотрела на него через весь проход. В голубых глазах плясали те же чертята, но в голосе, когда она заговорила, слышалась едва заметная усмешка.

– Я тебя слышала, Итан, – сказала девушка громко, так чтобы он точно расслышал. – Но ты меня всё равно бесишь.

Эвелин коротко улыбнулась – дерзко, почти вызывающе – и, не дожидаясь ответа, развернулась и скрылась за стеллажом с хлебом.

Итан остался стоять у полки с сырами, глядя в пустой проход. Её слова повисли в воздухе: «ты меня всё равно бесишь».

У касс он оказался одновременно с Эвелин – просто потому, что свободных было всего две, а субботний полдень пригнал в супермаркет половину района. Девушка стояла в соседней очереди, выкладывая на ленту свои продукты. Их

разделяли метра три и пожилая кубинка с полной тележкой консервов, которая громко обсуждала с кассиром вчерашний ураганный ветер.

Итан старался не смотреть, Но взгляд сам возвращался к рыжему пучку, к россыпи веснушек на загорелых плечах, к тому, как Эвелин хмурила брови, глядя на ценник шоколада. «Мэр района» – мысленно передразнил он сам себя и едва не фыркнул вслух.

Девушка расплатилась первой. Закинула покупки в свой шопер и, не оглядываясь, толкнула стеклянную дверь на выход. Колокольчик над дверью звякнул, впустив в прохладный зал волну раскаленного воздуха.

Итан расплатился следом. Выходя на парковку, он заметил Эвелин уже на другой стороне улицы – она шла быстрым шагом, придерживая шопер у бедра, и даже со спины было видно, что всё ещё злится. Он забрался в свой 4Runner, завел двигатель и еще около минуты сидел неподвижно, глядя на удаляющуюся фигуру в зеркале заднего вида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.